

О ДЕМИЕНЕ ХЕРСТЕ, ЧАРЛЬЗЕ СААТЧИ И ДЕЛАХ НАШИХ СКОРБНЫХ

*Я хочу, чтоб мы снова стали молодой
и дерзкой страной.*

Тони Блэр, 1995 г.

Есть практически доказанная гипотеза Эдуарда Сепира и Бенджамена Ли Уорфа: структура языка моделирует мышление. Весь мир сегодня говорит на английском — ergo английский моделирует мышление всего мира, все его искусства и технологии. В связи с этим особенно интересно заглянуть на кухню лондонского арт-рынка, где варится обед для всего мира.

Летом 2008 все просвещенное человечество ждало начала лондонского сезона: в сентябре Sotheby's был заявлен аукцион Демиена Херста. Приехали все, имеющее хоть какое-то отношение к современному искусству. И просто, надеющиеся заработать. А что? Вон, Чарльз Саатчи, говорят, ту знаменитую акулу молодого Херста купил у художника за 50 тысяч фунтов, а теперь перепродал американцу Коэну за 12 миллионов их долларов.

Дело, вообще-то, небывалое: аукцион полностью посвящен одному художнику. Да еще живому, 43-летнему. Аукционный дом Sotheby's за 264 года своего существования ошибок сделал немного. Штат аналитиков у него — лучшие эксперты мира! И что эксперты, когда под занавес прошлого лета, 30 августа, наимоднейшая лондонская галерея White Cube объявила о продаже «Череп» Херста за 50 миллионов фунтов. Того самого черепа, инкрустированного бриллиантами. Херст получился самым дорогим из живущих художников. Самым-самым. Рекордсменом на то время был американский попсовик Джефф Кунс, сделавший себе имя на прилюдном трахании с итальянской порнозвездой Чиччолиной: 23,6 миллиона долларов за громадное «Висящее сердце» из металла. By the way, говорят, американский галерист № 1 Ларри Гагосян купил это «Сердце» для

Виктора Пинчука. Но что теперь эти 23 против 100?

Эксперты Sotheby's и все просвещенное человечество прекрасно понимают, что продажа в кулуарах галереи не совсем легитимна — мы тоже можем сказать, что продали Васю Пупкина миллионов за десять, но кто поверит? Считаются только аукционные продажи — потому, что они: а) публичны; б) обложены ворохом документов, подтверждающих подлинность. На основе аукционных продаж в конце года составляются т. наз. котировки художников, издаются специальные ежегодные справочники. Все остальное — лирика (что не хватает нашим художникам — так вот этого участия в аукционах).

Но и лирика, как видите — могучая сила. 100 миллионов за злополучный Череп буквально загипнотизировали всех! И даже введливые расследования каких-то там «аналитиков», что, мол, сам Херст со-товарищи его и купил, мало что значат в данной полумистической ситуации. Пусть там они бухтят, что Череп выставили еще в начале лета в Cube у ближайшего друга Херста Джея Джоплина и вся херстовская команда сразу начала массированную рекламную компанию: 100, 100, 100! Что объявили, будто готовится четырехгодичное сенсационное турне Черепа по крупнейшим музеям мира, а на самом деле, мол, Череп никто не ждет (интересно, что из музеев первым на очереди называли Эрмитаж — но он этого отнюдь не подтвердил). Копайте, яйцеголовые, копайте — Череп все равно начал свое блистательное шествие по миру! И музеи еще выстроятся в очередь (в околопинчуковских кулуарах поговаривают, что зимой к нам опять привезут Херста — уж не Череп ли?).

Мы начали резко с денег. Больших денег. Но и Херст ведь не прекрасная барышня, цветочки рисующая. Тут глобальная арт-стратегия, меньше всего похожая на fine art — изящное искусство. Кроме того, напомним слова одного совсем не глупого человека, Фрэнка Ллойда Райта: «То, что покупают — это и есть искусство».

Но мы вернемся к сентябрьскому Аукциону. Выставили только новые работы Херста — последних двух лет. Гвоздь, топ-лот Аукциона, — натуральный бык, законсервированный в трехметровом аквариуме с формальдегидом. Рога и копыта (прямо по классике!) красавца позолочены, а во лбу звезда горит — ко лбу приделан большой диск из чистого золота. Журналисты, естественно, тут же обозвали быка «Золотой телец» — на это, конечно же, все и рассчитано. Хотя формально называется по-херстовски отморозено-высокопарно: «Красота в моей голове навсегда» (или «Вечно прекрасное содержимое моей головы»). Эстимейт: 8–12 миллионов

фунтов. Вспомните 100 и вы поймете, что это не деньги. Кто мялся, тому эксперты невзначай напоминали, что в прошлом году в «главной» нью-йоркской галерее, у Ларри Гагосяна, выставка Демиана Херста Superstition предусмотрительными коллекционерами была раскуплена на корню ещё до открытия. Американский галерист № 1 Гагосян является галеристом Херста на финансово привлекательной территории США.

Итог сентябрьских страстей по Херсту — 111 миллионов фунтов. Говорят, одним из самых активных участников был наш Виктор Пинчук. Зимняя выставка самого дорогого художника мира уже в планах ПинчукАртЦентра — так что скоро все увидим собственными глазами.

Кто же такой этот 43-летний Мидас, одно прикосновение руки которого заформалиненные туши бедных животинок превращает в золото?

Родился 7 июня 1965 г. в портовом Бристоле, как бы у нас написали во времена оные: «в простой рабочей семье». Папа — механик, мама — мелкий чиновник. Родители расстались, когда Демиану было 12. Улица, приводы в полицию, у Демиана — «две ходки по-малолетке». Мама с Демианом от греха подальше перебралась в более спокойный Лидс. Там Херст с грехом пополам поучился в местном арт-колледже — парень был способный, но мешали алкоголь, наркотики и весь этот дух занудного провинциального школярства. Дела пошли лучше, когда Демиан подался в лондонский Goldsmith's-колледж. Это был его размер!

В Голдсмитсе середины 1980-х собрались самые оторвы, типа нашей РХСШ, одновременно: рок-музыканты, актеры, художники. Если французское словечко «богема» применимо к Лондону 1980-х, то это был ее рассадник. Исчадь ада Малькольм Маккларен, пастырь Sex Pistols, тот, который грозил трахнуть Королеву, — тоже выпускник этого милого заведения. У Херста тесные дружеские связи с рок-музыкантами еще с тех времен. Уже сейчас, заматеревшим миллионером, он регулярно выезжает на Фестиваль рок-дебютов в Гластонберри, выбирает понравившуюся ему молодую группу и спонсирует по полной программе. Может даже самолично сделать обложку альбома! Интервью еще любит давать: мешает героин творчеству — не мешает. Сам недавно завязал даже с алкоголем, после рождения трех сыновей подряд. Интересно объясняет причину: «Сын сказал: «Папа, как хорошо, что ты больше не пьешь. — Почему это? — А у тебя пена больше изо рта не идет».

Когда пена ещё шла, во времена Голдсмита, Херст прославился как самый неугомонный в самом неугомонном заведении бурных лондонских времен. «Я всё думал, что меня кто-то остановит, — вспоминал позже Херст, — но меня никто не остановил». Херст переворачивал столы и стулья, залазил в камин (чисто английское развлечение), пил, курил и совокуплялся, а главное — кипел идеями. Голдсмитс был все-таки не обычный арт-колледж, там давали задания практические, скажем: придумать выставку поскандальней, подобрать художников пострашней, найти необычное помещение, взбить PR-пену. Скандально на шумевшая выставка молодых художников тех лет Freeze, «Замораживание», была курсовой работой Херста. Цены на аренду в Лондоне сами знаете какие, шустрый Херст облазил всё и нашел какие-то заброшенные доки в Лондонском порту. Пространство, размах, суровый индастриэл — это была почти «Фабрика» его любимого Уорхолла! Как вы понимаете, там были совсем не картины: уличный мусор, сама неприкрашенная жизнь громоздилась на Freeze замысловатыми инсталляциями, что-то мигало и гудело. Fine Art закончился, улица вторглась в Fine.

На выставку заглянул молодой (как для рекламного магната — ему тогда было 46) Чарльз Саатчи и купил всю выставку! Поехал в мастерские обалдевших студентов — и купил целиком все, что было в мастерских! Саатчи своим рекламным носом почуял: вот оно, искусство будущего. В самом непосредственном будущем это стало фирменным методом Саатчи: если что нравилось, покупал сразу на корню (Так же быстро потом, впрочем, и продавал, по любым, хоть бросовым ценам, губя карьеру художника — так случилось с Сандро Чиа).

Чтобы представить, как рождалась новая эстетика, интересно послушать, что рассказывает Херст о выходе на идею своей знаменитой Акулы. Сначала, говорит, начал ее просто рисовать: хотелось чего-то страшного, воплощения смерти (Херста ab ovo тянуло к смерти — прирожденный некрофил). Потом почувствовал: что-то не очень страшно. Современное восприятие избаловано экраном. Снять на видео? Клуб кинопутешествий. Дай-ка я засуну в большой аквариум живую акулу — подумал Херст. Как ее там содержать, чай не гуппи? В итоге Херст купил за 500 фунтов великолепный образчик тигровой акулы у какого-то австралийского рыбака, обработал ее с помощью таксидермистов и засунул в аквариум формальдегида. Пасть открыта, огромные зубы блестят. Некоторым казалось даже, что глаза Акулы смертоносно гипнотизируют. Это вам не картинки-пейзажики рисовать! Херст еще и мастер придумывать попсо-

гипнотизирующие названия. Акула получила имя «Невозможность представления смерти в сознании живого существа» — как мистические брошюры в киосках. Смерть стала главной темой Херста. А наполненные формальдегидом гигантские аквариумы — основной, гм, гм, палитрой. Сколько зверюшек с тех пор перевел — коровы, телята, овцы, свиньи, быки, голуби — не счесть.

Акулу шумно, со скандалами и протестами всяких защитников дикой природы, выставил в 1992-м, уже у себя в галерее, Саатчи. Чарльз открыл галерею в 1985 и тихо-прибыльно занимался себе классиками американского поп-арта — типа Энди Уорхолла и Джаспера Джонса. Но когда пошла такая жара со студентами, нюхач и тонкач Саатчи моментально переориентировался. Сразу пошли Херст, его боевая подруга Трейси Эмин и вся компания из Голдсмита. На выставке 1992 г. у Саатчи впервые прозвучало и название, ставшее легендарным: Young British Artists, Молодые британские художники. Предприимчивый Саатчи сразу хотел номинировать Херста на Тернера — самую почетную для художника премию в Великобритании — не прошел. Не привыкли еще академики, члены жюри, к аквариумам с формальдегидом.

Но Саатчи не унывал и уже в следующем, 1993-м, протолкнул своего питомца на Венецианскую биеннале от Британии. Саатчи все-таки недавно делал предвыборную компанию самой Маргарет Тетчер — кое-какие связи и рычаги остались. С чем, как вы думаете? Ну, конечно же, опять с животинками: на этот раз были корова и теленок, еще и разрезанные на части. Называлось опять трогательно: «Разделенные мать и дитя». Венецианская биеннале — это был бы уже венец карьеры. Для многих, но не для Демиана Херста. У него всё только начиналось.

Тогда стал набирать силу Берлин — немцами усиленно позиционировался как столица не только объединенной Германии, но и всей «новой Европы». Стратег Саатчи, преодолев английское высокомерие, заставил Херста оставить друзей-подружек и на год поехать в Берлин, устроил его на ученую стипендию DAAD — 1994-й. Из молодого лондонского хулигана надо было делать восходящую мировую звезду. Когда вернулся в 1995-м, Херст, проглотив прошлые обиды, опять номинировался на Тернера — и прошёл! Теперь, к 30 годам, у него было всё: Венецианская биеннале, премия Тёрнера, родительская опека чуть ли не главного британского галериста Саатчи, приятно щекотавший самолюбие титул лидера скандальных Young British Artists. О них не писал только ленивый.

«Чуть ли» хотел стать главным безоговорочно и вскоре придумал для этого убийственный аргумент. Саатчи придумал мега-крупную выставку всего лихого поколения УВА, с толстенной книгой-каталогом, и прокатом ее во всех ключевых точках мира (Представляете, что светило бы нашим ЮА, если бы Пинчук не певцов импортных выставлял, а организовал подобную выставку наших художников?). С сентября по декабрь 1997 выставка со скромным названием «Сенсация» (придумывал всё-таки рекламный магнат) прошла прямо в лондонской Королевской Академии художеств. Очереди стояли на улице. Не спеша, ровно через год, в 1998-м, выставку запустили в новом берлинском музее современного искусства «Гамбургский вокзал» — опять с сентября по январь. Каждый сезон в Европе открывался скандальной выставкой молодых лондонцев, все писали-говорили. Но что Европа, осенью 1999-го брутальному насилию подверглась сама мировая столица арт-бизнеса — Нью-Йорк, Бруклинский музей. Возмущенный мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани требовал закрыть наглую британскую выставку, оскорблявшую чувства католиков (британец нигерийского происхождения Крис Офили, например, выложил изображение Девы Марии из слоновьего дерьма). Хиллари Клинтон публично упрекала Джулиани в невежестве — дело было сделано. О ЮА заговорили все! ЮА стали атаковать галеристы со всего мира, факсами и живьем, но не тут-то было. Все работы уже были куплены Чарльзом Саатчи, все молодые звёзды уже были опутаны контрактами. Теперь пришла пора не спеша выставлять их на главные мировые аукционы — благо, все они под боком, в Лондоне.

В начале 2000-х Саатчи под свою, ставшую мега-знаменитой, галерею даже какое-то время (2003–2004) арендовал старое здание лондонской мэрии на берегу Темзы — прямо напротив Парламента, в двух шагах от Tate Modern. Завистники из такого сладкого места вскоре выжили. Саатчи долго не плакал, построил новое гигантское здание своей галереи в Челси — уже в 2005-м. Сейчас там происходят новые чудеса, весь мир волнуется. В новом доме Саатчи решил заниматься только... живописью. Это после 20 лет всяких акул в формальдегиде! «Файнешнл Таймс» написала: «Разворот Саатчи столь же радикален и неожидан, как был бы переход Ленина в капитализм». Дело ленинов — делать неожиданные развороты. Саатчи со своей обычной помпой выставил живописцев, назвал всё это традиционно-скромно «Триумф живописи». И совсем как ленинец провозгласил пару ближайших живописных пятилеток. Саатчи предвзительно предпринял целую экспедицию по розыску полузабытых

мастеров кисти, его агенты прошерстили Европу, всё скупили, отмыли, рекламно-завернули. На «Триумфе» в полузабытом блеске предстали: немец Мартин Киппенбергер, бельгиец Люк Тюйманс, патриарх венского акционизма Герман Нитш etc. Почти все не-британцы — законодатель мод Саатчи уже мог позволить себе дерзить. Из более-менее известных английских художников был, разве что, Питер Дойг (нашумевшее «Белое каноз» Питера Дойга участвовало недавно в выставке PinchukArtCentre, говорят, оно куплено за очередную рекордную сумму Виктором Пинчуком).

Всё это невероятно приятно звучит для украинского уха, привыкшего к разговорам о нашей живописной исключительности. Надо только понимать, что живописность у питомцев Саатчи особого толка. «Белое каноз», например — иллюзионистски написанный стоп-кадр популярного в 1980-е фильма ужасов. Как раз после этого идилического кадра, всех начнут страшно мочить.

Сейчас Саатчи окончательно заматерел и, как добрый арт-дедушка, печётся о молодых талантах, раздаёт стипендии — даже учредил премию в 10 тысяч фунтов школьнику, который напишет лучшее эссе о его новой галерее. Школьники — пишите! Исходными материалами вся Сеть забита. Дедушка Чарльз решил активно привлечь Интернет. В 2007 учредил в Сети конкурс для молодых художников Show Down — «Решающая схватка». Посетители со всего мира полгода голосуют за художников, выставленных у него на сайте. Победителю — 1000 фунтов и выставка в новой галерее Саатчи. Бесплатный мега-мониторинг зрительских симпатий — а на сайте у него 1,7 миллионов посещений в день! Дедушка знает что делает. В самое последнее время у него, кстати, позиционирована ещё и виртуальная Your gallery — каждый бесплатно может выставить своё CV и до восьми работ. Художники — выставляйте!

Заматеревший Херст в 2003-м расстался с Саатчи — слишком много миллионов приходилось делить. Тут как раз в Лондоне стала набирать силу галерея его старого друга Джея Джоплина White Cube и дальнейшие телодвижения Херста связаны с ней. В Англии теперь — White Cube, в США — Ларри Гагосян. Так что пусть себе впавший в сентиментальность дедушка Саатчи балуется живописью, молодые волки JBA ещё не все миллионы заработали!

Когда Саатчи начал по своему обыкновению распродавать старую коллекцию «объектов» и инсталляций JBA, Херст немедленно выкупил назад свои 12 ранних работ за 8 миллионов фунтов. Не может же он допустить, чтобы пошли слухи об утрате актуальности, па-

дении цен и т. д. Перекупил и выставил у Джея в два раза дороже. А Джей своё дело туго знает — это же именно в его Cube летом 2007-го была разыграна та мега-игра со 100 миллионами.

Помните нашу шумевшую выставку Reflection в PinchukArtCentre, когда Киев впервые увидел Херста? Она открылась в октябре 2007 — как раз после шумного спектакля с Черепом. Херст и Джоплин решили, что появился новый гранд-клиент на Востоке Европы, и why not? А какой дипломат наш Демьян! В интервью киевским СМИ не устал повторять: «Мне нравится Киев. Мне нравится Виктор. Здесь намного мягче, чем в Москве».

Так мягче же! В Москве Херст был в 2005-м — там местные олигархи-англоманы Емельян Захаров и Дмитрий Ханкин как раз открыли помпезную галерею «Триумф». Выставка Херста продолжалась всего два дня, точнее, вечер вернисажа, куда пустили только 500 сверх-випов, и один следующий день. «Кровавую Мэри» подавали в медицинских пробирках официантки, одетые медсёстрами — Хёрст тогда переживал период увлечённости таблетками. Всю выставку на корню купил некий «сотрудник Газпрома». Несмотря на такое спецмедобслуживание, Херсту в Москве не очень понравилось — что это за выставка на один-два дня? Деньгами его не удивишь, а где почёт и уважение? В Киев же, в 2007-м, он приехал как мега-звезда, личный друг и гость Виктора Пинчука, выставка длилась несколько месяцев — как в старые добрые времена Саатчи.

Следить за передвижениями выставок Херста по миру — как писать учебник по маркетингу. Осенью того же 2007-го, сразу после Киева, Херст массировано бомбардировал Нью-Йорк. В столице арт-бизнеса высадилось целое стадо овец, быков, голубей. Все, естественно, — в фирменных аквариумах с формальдегидом. Выставка так и называлась: «Стадо». Плюс 15 медицинских шкафов с таблетками. Херст нашёл там очередного миллиардера, который предоставил для Стада холл своего роскошного небоскрёба и собрал соответствующую публику. Что теперь какие-то галерейки для 100-миллионного Херста? Выставляться — так у миллиардеров или на персональных Sotheby's.

Дела идут неплохо. Можно и не напрягаться. Утомленный нарзаном Херст живет себе с женой и тремя мальчиками в старом сельском доме XVIII в. на Севере Англии (что за чудо эти старые английские дома!). Изредка выезжает порезвиться. В Ирландии, вон, недавно организовали аукцион из 41 безымянной студенческой работы. Объявили, что одна из безымянных — Херста. Забавно было

смотреть, рассказывали очевидцы, как перед трибуной занюханного провинциального аукциониста нетерпеливо переминался десяток крупнейших лондонских дилеров. Угадал, тем не менее, некто совсем левый, кинопродюсер Аллан Маллони. И тут же немножко подработал: купил за 400 фунтов и, не отходя от кассы, когда подтвердили авторство, перепродал галеристу Кевину Спиллейну за 180 тысяч.

Бедняга Херст сетует, что все рисунки, которые он дарил друзьям, родственникам и знакомым, рано или поздно обязательно перепродаются. Poor Jorik! А то ещё любит попугать поклонников таланта. Театральный режиссёр Тревор Нанн сказал ему где-то на тусовке: «Получил гонорар и купил твой шкаф с таблетками за 27 тысяч. Жду просветления. — Скрытая ирония мэтру не понравилась. — А, этот! Так его сделал мой сынишка Коннор». Побледневший Тревор тут же побежал по галереям сдавать шкаф. Ничего, презвонили Херсту, уточнили авторство, и тут же отсчитали Тревору 47. Кто имеет дело с Мидасом-Херстом — всегда останется в шоколаде. Тем более покупают Херста люди не бедные: Джордж Майкл, Дэвид Бэкхем. Чтобы покупать художника № 1, надо самому быть № 1.

Херст явно движется к канонизации: в мае этого года перед лондонской Королевской Академией художеств, той самой, в которой сенсационно открывалась «Сенсация», открылся 14-метровый бронзовый монумент Херста «Мать-девственница». Правый бок беременной Девы Марии вскрыт и виден плод — нет на него Джулиани. Но Херст теперь на такой недосыгаемой высоте, что какие там Джулиани. Живой 43-летний классик. Почти Бог! Королевская Академия сделала ему предложение влиться в её ряды — что-то треснуло в традиционной обители английского консерватизма.

Ещё все пишут о том, что мессир соскучился в своём сельском уединении и прикупил в Лондоне, в Воксхолле, несколько железнодорожных ангаров — открывает новую галерею-ресторан. Можно не сомневаться, какая там будет толкотня. В начале 2000-х, в «таблеточный период», у Херста уже был в Лондоне ресторан «Аптека», украшенный его фирменными наркоманскими шкафчиками — ох и биток там был.

Возвращаясь к горячему сентябрю 2008 года, отметим, что Херст-таки соскучился. Сентябрь был воистину херстовским: помимо лично-персонального аукциона Херста на Sotheby's, в Нью-Йорке его параллельно выставил Гагосян. Тут же, на Нью-Йоркской неделе моды, грянул... показ новой линии одежды Демиана Херста

совместно с Levis и Фондом Уорхолла. Джинсы, усыпанные стразами Сваровски и украшенные фирменными черепами Херста, разместили — почти даром, всего по 4000.

Р. С.: А как же дела наши скорбные? А никак, скорбные они. Не появился у нас пока свой Саатчи — соответственно нет и Демианов Херстов. Нет и своей «Сенсации». А как бы Виктор Пинчук мог ударить автопробегом по бездорожью!

Ни одна украинская галерея пока не участвует ни в одной серьёзной ярмарке галерей: ни в Базеле, ни в Лондоне, ни в Майами. А именно там делаются имена и деньги. Мир сейчас един и говорить о карьере художника, галереи в одной отдельно взятой стране не серьёзно. Ни один украинский художник, кроме разве что давно откочевавшего на Запад Бориса Михайлова, не имеет реального мирового имени.

Впрочем, первые аукционные ласточки полетели: Савадов на MacDougall's, Чичкан на Phillips, недавно опять — Чичкан и Гнилицкий на Christie's. Чичкана сейчас, вообще, надо возить на бронированном автомобиле. 80 тысяч долларов за 41-летнего украинского художника — это уже нечто. Тоже — тот ещё хулиган. Даша Абрамовичева первым в сентябре выставила чету Кабаковых. Теперь, говорят, планирует Чичкана.